

ДМИТРИЙ ФИЛИПPOB

“КАМЕНЬ, НОЖНИЦЫ, БУМАГА...”

РАССКАЗ

В дверь робко постучали, даже не постучали — поскреблись, тихо и невесомо.

— Войдите, — произнёс Родионов, не отрывая взгляда от монитора и продолжая что-то сосредоточенно выстукивать на клавиатуре, как будто этот звук убаюкивал и погружал его в особый чиновничий транс.

Вошла старушка с румяным от мороза лицом, робкая по первым жестам, но со взглядом добрым и озорным. Сама невысокая, подтянутая, из тех педантичных бабушек, что аккуратны в каждой детали скромного гардероба.

— Здравствуйте! Можно к вам?..

— Присаживайтесь. — Родионов указал на стул для посетителей. Головы так и не повернул, продолжая печатать что-то важное, судьбоносное.

ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич родился в 1982 году в городе Кириши Ленинградской области. Закончил филологический факультет Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской республики с 2006-го по 2008 год. Старший сапёр. В настоящий момент работает на государственной гражданской службе. Автор четырёх книг прозы. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Рассказы и повести выходили в журналах “Наш современник”, “Нева”, “Волга”, “День и ночь”, “Знамя”, “Огни Кузбасса”, переведены на китайский и итальянский языки. Книга “Битва за Ленинград” (издательство “Молодая гвардия”, ЖЗЛ, 2020) удостоена Всероссийской историко-литературной премии “Александр Невский” и золотого диплома Международного Славянского литературного форума “Золотой Витязь”.

Кабинет чиновника — особое пространство, сакральное для обычного человека. Здесь не бывает зевак и посторонних, каждый пришёл по своему маленькому важному делу, а положение просящего рождает невысказанную вслух униженность и виноватость: заранее, впрок, просто так.

— Чем могу? — Родионов, наконец, обернулся к посетительнице.

— Я ищу своего отца.

— Простите?

— Я ищу своего отца, Дмитриева Николая Васильевича.

— Извините, но вы не совсем по адресу. Это сектор социальной поддержки, я его начальник, Родионов Кирилл Сергеевич. А поиском пропавших людей у нас занимаются органы правопорядка.

— Нет, нет, всё правильно. Я сейчас объясню. Мой отец погиб на войне 27 января 1944 года...

— Представьтесь, пожалуйста.

— Что?..

— Как я могу к вам обращаться?

— А... Дмитриева Лилия Николаевна, блокадница. Я всё-таки по адресу? — старушка победно улыбнулась.

— Теперь по адресу. — Родионов улыбнулся в ответ. — Расскажите всё с самого начала.

— Понимаете, мой отец погиб при обороне Ленинграда в сорок четвёртом году. Мать умерла ещё раньше, в блокаду. Сама я ребёнком попала в детдом. В сентябре сорок второго года меня с группой детей эвакуировали в Томскую область. Долго мы туда добирались, целый месяц... Да, всякое было. Дадут в дороге кусок сушёной картошки, а жевать — невозможно. Так и сосешь его, как леденец. Детей много было в поезде, какие маленьки, ни имен, ни фамилий своих не знают, им потом уже в Томске воспитатели имена придумывали. Бывало ещё кашу пшённую давали, но это редко, и на всех не хватало, и мы играли в “камень, ножницы, бумага...” — кто победит, тому каша, а проигравший — сухат сосет...

— Вы говорили, что ищете отца?

— Ах, да... Так вот...

Родионов работал начальником сектора пятый год и на интуитивном уровне чувствовал, когда воспоминания захлестывают пожилого человека, память воскрешает картинки прожитого и делает их бесценными. Если упустить момент — человек поплывёт на волнах событий, будет вспоминать всё новые детали и подробности, расскажет о своей жизни, о трагедиях и взлётах, победах и поражениях. Расскажет просто потому, что больше некому об этом рассказать.

— Отец погиб, но нам, детям, никто ничего не говорил. А я всё ждала. Идёт урок, а я сижу и думаю: вот сейчас откроется дверь, и войдёт мой фронтовик-отец, грудь в медалях... Почему-то прихрамывает. Не знаю — почему, а я ещё думала, что он должен прихрамывать после ранения. Войдёт, значит, и начнёт меня глазами искать. А детский дом у нас был в старинном здании, имение чьё-то бывшее... И в классе колонна стояла, а я, значит, как раз за этой колонной сидела. И он меня не видит, и я его не вижу. Вот он уже собирается уходить, но спрашивает на всякий случай: нет ли здесь Лили Дмитриевой? А я голос его услышу и закричу на весь класс: “Папа, папа!..” Такие вот наивные мечты у меня были. Уже война давно кончилась, а я ещё долго вздрагивала, когда кто-то в класс заходил, и голову тянула, чтобы выглянуть за колонну. Учительница злая у нас была, била указкой по рукам. И говорит постоянно на весь класс: “Наша Лилия опять в жирафа играет”. Так это мне обидно слышать было...

— Так я-то чем могу вам помочь?

— Я к этому и веду, молодой человек, а вы меня перебиваете... Уже когда выросла, стала взрослой, я в Грузию поехала устраиваться на работу. В Ленинград меня не пустили. Говорили тогда: “Деревенская вошь, куда ползёшь?” А в Грузию поехала, потому что там тепло. Тёплых вещей-то у меня после детдома не было. Приехала на вокзал под вечер, а куда идти — не знаю. Так и заночевала на лавочке. Июнь месяц был. Помог один добрый

человек, устроил меня официанткой в санаторий в Цхалтубо. Там я и познакомилась со своим ангелом-хранителем, Николаем Васильевичем Киселёвым. Он был первым секретарём обкома в Ростове-на-Дону, отдыхал в санатории вместе с супругой. Он помог мне получить направление в Ростовское техническое училище, помог с общежитием, опекал меня. По гроб жизни ему благодарна и супруге его, Александре Григорьевне. Он же потом и похлопотал о моём возвращении в Ленинград. Написал запрос в Смольный, просил разобраться в ситуации, помочь. А уже в Ленинграде я твёрдо решила узнать о судьбе отца и обратилась в городской военкомат, где мне и дали вот такую бумагу.

Лилия Николаевна протянула жёлтый, выцветший от времени прямоугольный клочок, на котором канцелярскими фразами было отпечатано:

“Военному комиссару Пушкинского района. Направляю на ваше рассмотрение письмо гр-ки Дмитриевой Л. Н., в котором она просит сообщить о судьбе её отца Дмитриева Николая Васильевича, 1911 года рождения, призванного в Советскую армию Пушкинским РВК гор. Ленинграда. Прошу произвести розыск гр-на Дмитриева Н. В. установленным порядком и о результатах сообщить его дочери. Гр-ке Дмитриевой Л. Н. сообщаю, что Ленинградский горвоенкомат никаких сведений о разыскиваемом не имеет.

Приложение: письмо Дмитриевой Л. Н.”

— И это всё?

— Нет, не всё. Поехала я, значит, в Пушкинский военкомат. Вышла на привокзальную площадь — и сердце защемило. Пятнадцать лет я в Пушкине не была. До войны мы жили недалеко от вокзала на Октябрьском бульваре. Никаких детских площадок в то время не было, игрушки-то с трудом помню, так папа специально для меня смастерил во дворе качели, я на них каждый день качалась. Представляете, выхожу я на вокзале и сразу вспоминаю те самые качели; папа стоит перед ними, в коленки мои упирается и раскачивает, туда, обратно... Лицо его улыбающееся... То приближается ко мне, то отдаляется... И так потянуло меня к родному дому, аж сил нет. Дошла я до бульвара, а двор не помню и дома не помню, хоть ты тресни. Мне же пять лет было, когда война началась, из Пушкина мы перебрались в город в конце августа сорок первого, немец тогда уже вплотную подошёл... Ходила я, ходила по дворам, но так и не нашла те качели. А в райвоенкомате мне дали уже вот такую бумагу.

Женщина положила на стол ещё один листок. На старом бланке было написано от руки: “Карточка № 8 КБФ. Копия. 1. Фамилия Дмитриев. 2. Имя Николай. 3. Отчество Васильевич. 4. Военное звание сержант. 5. Наименование части 309 прож. б-н 2 полк ДПВО. 6. Занимаемая должность шофёр. 7. Уроженец Татар. АССР. Лапшевский р-н, с. Чирты. 8. Год рожд. 1911. 9. Партийность ВКП/б. 10. Национ. русский. 11. Соц. положение служащий. 12. Кем призван Пушкинским РВК. 13. Время и причины выбытия умер от отравления. 14. Где похоронен — 15. Адрес родственников — Вх. № донесения 506с-44. 23.03.1944 г.”

— Это всё?

— Нет, ещё вот что есть.

Другая страница была свежей, недавно сделанной ксерокопией Книги памяти, 1997 года издания. Среди длинного столбика погибших бойцов карандашом была обведена фамилия Дмитриева Николая Васильевича, 1911 г. р. Всего одна строчка: сержант, умер от ран 27.01.1944.

Женщина вопросительно посмотрела на Родионова:

— Теперь вы понимаете?

— Не совсем...

— Мне восемьдесят два года, жизнь прожита, а я так и не знаю, где похоронен мой отец.

И только тут Родионов обратил внимание, что в графе о месте захоронения стоит прочерк. Дело тут же стало понятным и надёжным. Ежегодно в сектор присылали десятки обращений о поиске родственников, погибших в годы войны. В большинстве случаев никакого результата такие поиски не давали. В неразберихе тех страшных лет канули в безвестность люди,

судьбы, деревни и целые посёлки. А уж если в справках значилось, что человек пропал без вести или оставлен на поле боя, то Родионов шаблонно отвечал: сведения отсутствуют.

— Лилия Николаевна, вы же понимаете, что надежды практически нет? Все необходимые запросы мы, конечно, сделаем, но я вам по опыту говорю: вероятность, что отыщется место его захоронения, очень мала.

— Мне немного осталось. Маюсь, маюсь на белом свете... Иногда проснусь среди ночи, и уже не уснуть до утра. Маму вспоминаю, отца... Тяжело в детском доме было. Да и вся жизнь была непростая. Но если есть хоть маленький шанс, я должна им воспользоваться.

— Хорошо. Пишите обращение на имя главы, я его зарегистрирую, сделаем запросы, пришлём вам официальный ответ. — Родионов протянул женщине чистый лист бумаги и ручку.

Пока старушка писала, аккуратно выводя каждую букву, Кирилл Сергеевич ещё раз перечитал Карточку № 8. Зацепки были. Аббревиатура КБФ — это, скорее всего, Краснознаменный Балтийский флот. Есть номер части, есть точная дата смерти. Было не ясно, как именно погиб боец, но самое главное: нигде не сказано, что Дмитриев пропал без вести или оставлен на поле боя. Попытаться можно.

— Вам бы ещё раз в военкомат обратиться. Пусть по своей линии сделают запросы в ЦАМО.

— Куда?

— Центральный архив Министерства обороны. Им быстрее ответят.

— Ой, родненький, была я там. Злющий мужик со мной разговаривал, неприятный такой. Им лишь бы отделаться, никто работать не хочет. А вот по тебе сразу видно, что человек хороший, неравнодушный. Ты уж похлопочи, будь любезен. Помоги старушке...

— Поможем, не переживайте. Вот ещё что... Книга памяти — это хорошо, но на сегодняшний день карточка № 8, — Родионов помахал выцветшим бланком, — единственный достоверный и самый информативный документ. Берегите его.

— Берегу, сынок, с тех самых пор и берегу.

Это было ещё одно свойство пожилых людей: незаметно переходить на “ты”, стирая дистанцию и подчёркивая высоту прожитых лет. Родионову вдруг жутко захотелось курить. Уже месяц, как он пытался бросить, жажда никотина то отпускала, то накачивала с новой силой.

— Вы говорили, что перебрались с семьёй в Ленинград, а в графе “адрес родственников” стоит прочерк. Как так?

— Отца сразу призвали, в июне сорок первого, а мы с мамой уже потом в Ленинград переехали. Город был в блокаде, почта вроде бы и работала, мама даже писала отцу письма, но от него ничего не приходило. Так что не знаю, был ли у него наш адрес или нет... Не могу сказать. Но точно знаю, что вышла одна ошибка. Тётка моя, Мария Васильевна, отца сестра, написала ему в сорок втором письмо, что и я, и мама, — обе умерли от голода. Она просто не знала, что я выжила. Дело ведь как было. Мама моя, Татьяна Ивановна, умерла в ночь на 7 марта в сорок втором году. Я услышала, как она хрипит, подумала, что пить хочет. Ну, встала с кровати, разбила лёд в ведре жестяной кружкой, несу ей воды, а она уже не шевелится. А мне шесть лет, несмышлёныш совсем... Страшная это была ночь. Мама мёртвая лежит, я одна в пустой квартире. Хоть и март, но ещё снег, холод, ветер воет за окном... Утром меня санитарные дружинницы нашли, отвели в детский дом.

— Получается, отец не знал, что вы живы?

— Получается так. Я сама обо всём узнала уже в Ленинграде взрослой девушкой. Нашла тётку, её чуть кондратий не хватил. Она-то думала, что я давно в могиле, а я вот, живая и невредимая. — Старушка звонко засмеялась, довольная, что обманула смерть. — Она мне всё и рассказала про письмо. А про отца она тоже ничего не знала. Не вернулся с войны, и всё.

— Мда... История.

— Смотри, родной, не обмани старушку.

— Не переживайте. Сделаем всё, что от нас зависит.

Лилия Николаевна ушла, Родионов зарегистрировал письмо и благополучно забыл о нём. Вспомнил через месяц, когда за день до окончания срока документ окрасился предупредительным жёлтым цветом в электронной системе единого документооборота. Чиновник чертыхнулся про себя и тут же позвонил помощнику военкома Игорю Ивановичу Гнатыку.

Апрель 1942

Ночью опять подняли по тревоге. Наш расчёт особенный, подвижное соединение. Всё-таки автомобильная прожекторная станция — это вам не фунт изюму. "Прожзвук-4". Но тревога есть тревога, будь добр занять своё место согласно боевому расписанию. А моё место простое: крути баранку, выполняй приказы начальника станции.

Слабые мы, конечно, были. Есть хотелось постоянно, но от голода не пухли, и за то спасибо. Моряков снабжали немного лучше, чем остальных бойцов. О ленинградцах я вообще молчу. Мы хоть и отрезаны ото всех на своём плацдарме, но перебоев с продуктами не было. Опять же, моряк всегда что-нибудь придумает. Рыбу ловили. Вот возвращаются наши "пешки" с полёта, а боезапас не израсходовали. На посадку им с бомбами на борту ни в коем случае нельзя, вот и сбрасывают свой смертоносный груз у островка. А мы уже тут как тут, бежим по льду и оглушённую рыбу собираем в сачки. Главное, с особистом договориться. Ну, и ему рыбки дать приходится, без этого никак.

Выбежали из кубрика на улицу, холод собачий. Хоть и апрель на дворе, а по ночам ещё морозит, зима лютая была. Залив ещё не вскрылся. И сразу, значит, к машинам бежим. Наша передвижная станция из двух машин состоит. На первом автомобиле установлен звукоулавливатель, там шофёром Лёшка Маслородов, дельный парень, из деревенских. Не задаётся, но и фасон держать умеет. А сам прожектор на моём автомобиле, ЗИС-12. Начальник станции у нас лейтенант Бяшкин, молодой ещё совсем, из студентов.

Сначала командиром у нас был Николай Иванович Холодов, кадровый военный. Но в начале октября его забрали и вместе с ним ещё больше ста человек из батальона. Тогда спешно сколачивали роту для помощи десант кронштадтских моряков. Воевали они под Петергофом, да почти все полегли, больше я Холодова не видел. Поредел батальон на треть, тогда и прислали из Ленинграда пополнение, в основном баб. Но и для комсостава нашли людей.

А Бяшкин хоть и молодой, да умный, всё прикинет, посчитает, отдаст команду — и с первого раза немца засекает.

Только прибежали к машине — звучит команда: "Привести станцию в Положение № 2!" Это значит, что придётся и нам сегодня поработать.

Расчёт у нас дружный, каждый знает своё место. Мы — станция-искатель, от нас зависит, прорвётся немецкий бомбардировщик к Ленинграду, или выхватим мы его силуэт, подведём под наши зенитки.

— Коля, заводи, — Бяшкин на ходу поправляет портупею и залезает в кабину.

— Куда едем, командир?

— На "пятнадцатую".

— Опять нет связи?

— Обрыв на линии, будем страховать. Давай, давай, Коля...

Меня долго не надо уговаривать. Машина родная, каждый винтик в ней знаком, всё смазано, заправлено, движок заводится с пол-оборота. Расчёт уже в кузове. Валя Сапожников, наводчик по азимуту, шутник и балагур. Сам — сопля соплей, кажется, плонь — перешибёшь болезного, а так одним словом срезать может, что век будешь ходить, как оплётанный. Наводчик по углу места — Саша Засядь-Волк. Этот наборот, молчаливый, нелюдимый, слова из него не вытянешь. Но дело своё знает. Два корректора ещё, бабы: Наталья Ломакина и Мария Степановна Усвятцева. Женщины хорошие, с понятием, специалисты толковые, схватили на лету премудрость

прожекторного дела. У Бяшкина лишних людей нет. Недаром наш расчёт один из лучших в батальоне.

15-я станция располагалась в бухте Графская Лахта, до неё было пятнадцать километров. Там мыс удобный — весь залив просматривается. Не зря “пятнадцатую” называли ленинградскими воротами. Надо было успеть доехать, развернуть звукоулавливатель. По инструкции положено, чтобы между звукоулавливателем и прожектором расстояние было не меньше ста двадцати метров, а связь через пост управления, но не всегда так получалось. Немец хоть и высоко летит, но, когда он попадает в зону действия звукоулавливателя, — на всё про всё не больше трёх минут. И за это время надо его засечь и выхватить лучшим прожектора. Тоже целая наука, значит.

Доехали быстро. Фары нельзя включать, но дорога знакомая, каждая кочка давно известна. А небо уже гудит. Как будто осиное гнездо палкой разворошили, только громче, конечно. Бяшкин выскочил из машины и сразу к звукоулавливателю бежит. Кричит на ходу:

— Станцию — в Положение № 1.

А ребята и сами всё понимают, разворачивают установку, готовятся небо слушать. Валя Сапожников уже у зеркала стоит, снимает брезентовую крышку, Наталья — у прожекторного штурвала. Засядь-Волк заводит генератор, слышно, как загудел ток в агрегате.

Наконец, звучит команда лейтенанта:

— Двадцать первым, девяносто пятым, три тысячи метров!

Засядь-Волк тут же выдаёт:

— Пятнадцать вперёд, тридцать назад.

Наталья крутит ручку штурвала, Мария Степановна корректирует по углу. Замерли. Навели на цель.

— Луч! — командует Бяшкин.

Валя опускает рубильник. Яркий сноп света прорезает тёмное ленинградское небо. На прожектор смотреть невозможно — глаза болят, как будто на солнце глядишь. И сразу виден на конце луча силуэт немецкого самолёта. Проходит три секунды, пять, десять... Наталья ведёт бомбардировщик, не отпускает.

— Гасить пора, сейчас немец проснётся...

— Ждать, — кричит лейтенант.

— Товарищ лейтенант, засекут нас с другого берега...

— Ждать, я сказал!

Наконец, из Кронштадта и со стороны Ораниенбаума в небо устремляются два луча сопроводителя, ловят немца в перекрестье и ведут дальше. Застучали зенитки, но нам уже не до них.

— Рубильник, — кричит лейтенант.

Тут же гаснет наш прожектор. Валя Сапожников стучит мне по крыше кабины, а меня и просить не надо. Двигатель заведён. Бяшкин прыгает в кабину, и тут же трогаемся. Буквально через несколько секунд с немецкого берега по тому месту, где мы стояли, застучали крупнокалиберные пулемёты. Слышно, как пули чмокают по соснам... Ещё чуть-чуть — и несдобровать нам. На войне лишний миг дорого стоит. Выжимаю педаль газа, а правую руку к сердцу — стучит бешено, дук-дук, дук-дук... Во внутреннем кармане бушлата — фотография Татьяны и Лильки. Родные мои. Это они меня берегут.

Март 2019

Игорь Иванович пришёл в военкомат год назад, после выхода на пенсию. До этого волнительного момента он служил таможенным инспектором, поэтому был мужиком ушлым, в меру циничным и чётко понимающим, где выгода, а где социальная нагрузка. Вопрос, волнующий Лилию Николаевну, проходил для него по второй части.

— Я помню её, — сразу ответил Гнатюк, — она дважды уже приходила, последний раз неделю назад. Там запутанная история.

— В каком смысле?

— Отец её проходил службу шофёром в 309-м прожекторном батальо-

не дивизии ПВО Балтийского флота. Часть располагалась в форте “Красная горка”, это Ораниенбаумский плацдарм, если помните такой... Так вот, я сделал запрос по линии военкомата, мне прислали копию дивизионного до-несения о безвозвратных потерях. Дмитриев умер от отравления.

— Это я знаю.

— И там же в “Красной горке” есть воинское захоронение, всех бой-цов-прожектористов обычно там хоронили. Я позвонил в Петродворцовый военкомат, там проверили списки к учётной карточке захоронения...

— И?..

— И ничего. Нет там такого бойца.

— Как это может быть?

— Запросто! — голос Гнатюка оживился. — Во-первых, в этом районе около десяти воинских захоронений, все проверять у меня нет ни времени, ни желания. Во-вторых! Отравление — это не самая распространённая при-чина гибели в годы войны. В таких случаях тело обычно направляли на вскрытие, чтобы точно установить причину смерти. Проблема в том, что сей-час невозможно узнать, в какой именно госпиталь повезли труп. Вы на дату смерти обратили внимание?

— У меня перед глазами письмо.

— 27 января 1944 года...

— День освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

— Именно!

— И что вы хотите этим сказать?

— Я, Кирилл Сергеевич, чиновник с двадцатилетним стажем, и поверь-те моему опыту: от горя или от радости русский человек обычно пьёт. А тут была большая радость, очень большая. А у Дмитриева вашей должности рас-полагает: там бензинчик сольёт, здесь на спирт обменяет... Опять же, это сор-ок четвёртый год, проблем с довольствием уже не было. Я на девяносто процентов уверен, что отмечали они освобождение города в расположении батальона, напился наш товарищ денатурата и отдал Богу душу. Вот и вся история. Старушка думает, что её папа пал смертью храбрых, а он от алкаш-ки скопытился.

— Вы сказали ей об этом?

— Вот сейчас обидно было. Я что, по-вашему, похож на сволочь?

Родионов засмеялся.

— Лилия Николаевна говорит, что вы неприятный тип, отфутболить её хотели.

— Вот не поверите, — рассмеялся в ответ Гнатюк, — мне она про вас то же самое рассказывала. Молодой, говорит, холёный такой сидит, зырка-ет в свой компьютер с важным видом. А вы, Игорь Иванович, сразу вид-но, — человек опытный, надёжный...

— Да ладно?

— Шоколадно, — продолжал посмеиваться помощник военкома.

— Мда-а-а... Молодец, бабка, не пропадёт.

— А то! Детдомовская закалка.

— Но труп должны были где-то похоронить.

— Ключевое слово — где-то. Я вот что думаю, на момент смерти уже было установлено наземное сообщение плацдарма с Ленинградом. Тело вполне могли направить в городской госпиталь. Тем более что армейские госпитали скорее всего уже переместились к линии фронта. Всё-таки шло наступление. А если тело повезли в город, то оттуда прямая дорога — на Пискарёвку. Сделайте запрос в Пискарёвское кладбище, наверняка он там и лежит.

— Хорошо, запрос я сделаю, Пискарёвка — наша епархия. А с вас тог-да запрос в архив ВМФ.

— Побойтесь Бога, Кирилл Сергеевич, мне заняться больше нечем?

— Ну, не всё же вам призывников пощипывать, — рассмеялся Родио-нов, — сделайте доброе дело, с вас не убудет. Вдруг есть какая-то информа-ция о госпиталях?

Гнатюк замолчал на другом конце провода, а потом вдруг ответил:

— Нехорошая эта история, с душком. Лучше бы никому ничего не знать. Есть такие скелеты, которые нельзя ворошить.

Пожалуй, с этого разговора история матроса Дмитриева стала для чиновника живой и объёмной, обрела вес больший, чем просто исполнение служебных обязанностей. Он пытался представить, каким человеком был Дмитриев, как выглядел. Но самый главный вопрос, на который Родионов искал и не находил ответа, был за пределами службы и переписки с архивами. Этот вопрос он даже не мог внятно для себя сформулировать, и эта невозможность оформить переживание в слова не позволяла успокоиться и выбросить историю из головы. Если бы не алкогольная слабость и глупость отца, вся жизнь Лилии Николаевны сложилась бы по-другому, и кого теперь винить? Подспудно примеряя эти события на себя, Родионов думал о семилетней дочери, дорожке которой у него никого не было. И всех было жалко.

Из СПб ГКУ “Пискарёвское мемориальное кладбище” к концу марта пришёл ожидаемый ответ:

“К сожалению, сведений о захоронении Дмитриева Николая Васильевича, 1911 г. р., который умер 27 января 1944, в архиве кладбища нет. В 2001 году на Аллее Памяти Пискарёвского мемориального кладбища установлена памятная плита, посвящённая “Воинам и труженикам земли ленинградской, защитившим город на Неве”. Эта плита увековечила память всех ленинградцев — защитников города. В Санкт-Петербурге создана Книга памяти “Ленинград. 1941–1945”, в которую внесены имена воинов — защитников Ленинграда. В этой книге имеется мемориальная запись о Дмитриеве Николае Васильевиче. По вопросу увековечении памяти в виде установки мемориальной таблички воину Дмитриеву Н. В. Ваше обращение направлено в Военкомат г. Санкт-Петербурга”.

Начался “футбол” — самая увлекательная чиновничья игра, когда при нежелании или невозможности решить задачу самым важным становится скинуть с себя ответственность.

В первых числах апреля, когда весной в Петербурге ещё не пахнет, но и зима находится на последнем издыхании, Лилия Николаевна вновь пришла на приём.

— К сожалению, нечем мне вас обрадовать, — начал Родионов, — все запросы мы сделали, но отца вашего нигде нет. — И он показал ей ответ Пискарёвского кладбища.

— Да, да, я понимаю, — старушка читала письмо, написанное сухим канцелярским языком и, кажется, не понимала его содержания.

— Ждём ещё ответа из архива Военно-Морского флота, может быть, там что-то прояснится.

— А я нашла отцовскую фотокарточку.

Лилия Николаевна улыбнулась и достала из сумочки пожелтевший, весь в изломах снимок. На фотографии молодой мужчина стоял в бескозырке в профиль и на кого-то смотрел снизу вверх. Вероятно, это был общий снимок, часть которого обрезали за ненадобностью. Лицо матроса показалось Родионову знакомым.

— Вы похожи на него. Удивительное совпадение, но вы так отчётливо похожи... Лилия Николаевна, я делаю всё, что в моих силах. Я уже не знаю, куда написать, чтобы найти могилу вашего отца. Это непросто принять, но очень часто в те годы люди пропадали без вести, на поле боя, умирали в плену. Кого-то хоронили, кого-то оставляли лежать в окопах, чуть присыпанная землёй... Шла война. Очень многие судьбы неизвестны до сих пор.

— Да, да, я всё понимаю.

— Надо отпустить прошлое. У вас уже правнуки, поди, на подходе, — Родионов попробовал улыбнуться.

— Нет у меня ни внуков, ни правнуков. Был внук, Андрей, воевал в Чеченской войне, а как вернулся домой — пить начал крепко. Так и допился до смерти.

— Простите... — неприятно сдавило горло.

— Всё в порядке, это давно было. Я пойду.

— Я позвоню вам, если что-то узнаю.

Старушка не обернулась и ничего не ответила, вышла, притихшая и подавленная, аккуратно прикрыв за собой дверь. У Родионова застучало в висках.

К вечеру позвонил Гнатюк.

— Кажется, я что-то нашёл, — начал он без приветствия. — Из гатчинского архива ВМФ пришло письмо, что тело Дмитриева Н. В. было направлено в армейский госпиталь № 2580. А вся информация по госпиталям находится где?

— Где?

— В архиве военно-медицинских документов. Это в городе, в Лазаретном переулке.

Сентябрь 1943

Давно так плохо не было. Голова раскальвается, шумит.

Пока одевался, путаясь в рукавах “голландки”, все уже выбежали из кубрика. На построение прибежал последним.

Бяшкин беззвучно зашипел на меня. Командир роты, капитан-лейтенант Румянцев, подошёл ко мне и презрительно сморщил губы:

— Почему гюйс не глажен, товарищ матрос?

— Виноват...

— Ты пил что ли?.. Бяшкин, ко мне.

Лейтенант торопливо подбежал к командиру.

— Вы почему за своими людьми не следите?

— Виноват, недоглядел...

— Посадил бы вас обоих на “губу”, да заменить некем. Тебе за руль в любую минуту, а ты как свинья. — Это он уже мне.

— Горе у него, товарищ...

— Война идёт. У всех горе. Вот победим немца — горюй на здоровье, твою мать. Тьфу, смотреть противно. Первый и последний раз говорю: замечу ещё раз пьяным — шофёра в штрафбат, а вас, товарищ лейтенант, с должности сниму. Вопросы?

— Никак нет.

— Встать в строй.

Конечно, прав Румянцев. Но и мне жить тошно, ничего не могу с собой поделать. Год прошёл, как Маша то письмо прислала, а душа никак не успокоится. Вижу их каждый день перед глазами, Таньку мою и Лилечку. Пока работаешь, вроде бы отпускает ненадолго, а стоит задуматься — вот они, как живые. Во сне ещё часто приходят, и так хорошо мне от этого, что, кажется, ничего больше в жизни не надо. Мы снова рядом, вместе. Просыпаюсь от любви, вспоминаю всё и плачу. Ребята спят в кубрике, не слышат, а у меня душа разворочена, выть хочется. Зубами в подушку вцеплюсь и реву. И вот что странно: всегда один и тот же сон.

Танюшка с Лилей стоят во дворе у нашего дома, Лилечка на качели забралась, Таня её раскачивает туда-сюда... Смеются обе. А качели вот-вот сломаются, винт на перекладине расшатался. Я вижу всё это, подхожу, пытаюсь починить. Дел на три минуты, винт затянуть, а ключа нет.

— Папа, вот инструмент, — говорит Лилия и протягивает мне молоток.

— Что ты, милая, это не подходит.

— Подходит. Надо стукнуть разок.

А потом качели пропадают, Лилия на руки ко мне просится, обнимает, тыкается носом в щёку, как котёнок, и шепчет:

— Не уходи, папа, не уходи...

Жена в стороне стоит, смотрит на нас и улыбается. Я ей киваю, мол, иди к нам, а она голову набок склонила и не отвечает ничего, и не идёт. Но улыбается, улыбается...

Потом просыпаюсь. Тоска.

В июле 42-го года наш батальон получил большое пополнение, человек семьдесят, в основном девушки. В военном отношении, конечно, слабо были подготовлены, но сообразительные. Свободных должностей много на тот момент в батальоне: связисты, радисты, электрики-прожектористы, аэроакустики... Среди них была Лида Волосникова, молодая совсем, даже ремесленное училище не успела закончить.

Я на женский пол не смотрел: месяц, как пришло письмо от сестры... Сначала боль оглушительная, не знаешь, куда себя деть. Куда-то идёшь, крутишь руль, выполняешь приказы, а внутри ничего нет, всё выжжено. Гулкая пустота внутри, как в колодеце. Потом ненависть пришла. Немец летит, а я его рожу красную в кабине самолёта представляю — голыми руками разорвать готов, кадык вырвать, глаза выдавить. Такая ярость меня охватывала, что ребята побаиваться меня стали. Просился на фронт, в пехоту — не отпустили. Солдат, говорят, хватает, а с шоферами дефицит.

Выпивать начал. Глотну спирта — отпускает немного. Так-то ребята у нас непьющие подобрались, спирт был, положен нам, чтобы матчасть в чистоте содержать. Ну, сливал во флягу немного. Потом Бяшкин заметил — стал канистру в своём кубрике держать. Выдавал скупое, только для дела. Но шофёр спирт всегда найдёт. С лётчиками договорился, у них этого добра — хоть залейся. Пить, правда, невозможно, технический спирт. Но разбавлял пожиже с водой. Сойдёт.

Время идёт, служба тоже. В январе 43-го прорвали кольцо блокады — радость была огромная. Снабжение не сразу, но получше стало. Потом ещё лучше, к наступлению лета не голодали. Всего в достатке хватало. И стал я замечать, что Лида заглядывается на меня. А как заметит, что я в ответ начинаю смотреть, — сразу глаза отводит. Симпатию, значит, проявляет.

Год уже прошёл, как я семью потерял, зарубцевалась рана. Да и ребята локтем подталкивают, мол, не зевай, девушка хорошая. Стал я ей знаки внимания оказывать. Букетик ромашек нарву, слово ласковое скажу, подвезу, куда попросит. Жизнь не стоит на месте. Всё вроде бы правильно идёт, а в сердце заноза. Жена с дочкой придут ночью — и сразу свет не мил, ненавидеть себя начинаю.

Я бы и не решился, наверное, первый, но всё случайно вышло. Отвозил её на 9-ю станцию, едем вдвоём по дороге. Между станциями километра три, не больше. Проехали “восьмёрку”, а она и говорит:

— Коля, остановите машину.

Мало ли что у девушки случилось... Может, до ветру надо. Хотя это вряд ли, они стеснительные в таких делах. Останавливаю. А она сидит, не шелохнётся, только смотрит на меня и дышит глубоко, грудь вздымается от волнения. И такая тишина вокруг...

В кабине всё и случилось. Два года у меня женщины не было.

А ночью опять приснились Таня и Лиля. Дочка на руках у меня, жена рядом стоит, молчат и по голове меня гладят. Нежно так прикасаются, ладони тёплые и ласковые. Молчат и улыбаются.

Проснулся я, так гадко мне стало, что словами не передать. Достал фляжку, чистый спирт глотаю, пока он у меня из горла обратно не полез.

С Лидой, конечно, не смог больше. Сторониться её стал, избегать. А она всё почувствовала, вроде бы и не настаивает, только мне самому от всего этого противно было.

Проходит две недели, а Лида уже с Лёшкой Маслобородовым шушукается. И видно, что не назло мне, глаза счастливые у обоих. Тут я и сломался окончательно.

Вот кто-то может обернуться вокруг себя, уйти к другому, как с кочки на кочку перепрыгнуть, а кому-то на роду написано маяться всю жизнь. Отчего так?

Май 2019

Прошло больше месяца, но из архива военно-медицинских документов ответ не приходил. Родионов стал звонить в учреждение, выяснять, дошло ли письмо, когда зарегистрировано, кому расписано. Наконец, связался с исполнителем.

— Я думал, вы не позвоните, — ответил спокойный голос на другом конце провода.

— А вы только по звонку работаете? Вообще-то был официальный запрос, вы обязаны в месячный срок направить официальный ответ.

— Это всё понятно, но вы лучше сами приезжайте.

— В каком смысле?

— Приедете — поймёте.

— Если у вас есть информация — направьте в установленном порядке.

— Как знаете. В установленном порядке я вам напишу, что сведения отсутствуют.

— А на самом деле?

— Вы приезжайте, долго объяснять.

До Витебского вокзала Родионов доехал на электричке. Май в этом году выдался промозглым, ветреным. В сквере у Лазаретного переулка дети гоняли голубей, мамочки сидели на скамейках и ёжились от холода.

Архив располагался в здании Военно-медицинского музея, вход был со стороны Введенского канала. Родионов поднялся по широкой лестнице на второй этаж, нашёл кабинет начальника отдела хранения.

— Петраков Андрей Андреевич, — представился мужчина лет пятидесяти, суховатый, с короткими седеющими усами. По осанке угадывался отставной военный.

— Вы что-то хотели мне рассказать.

— Да, пока вы ехали, я подготовил вам официальный ответ. Это для отчётности.

Мужчина протянул Родионову бумагу.

“По существу Вашего запроса в отношении Дмитриева Николая Васильевича, 1911 года рождения, по поводу подтверждения ранения (заболевания), полученного им в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), и установления места его захоронения сообщаю, что в картотеке общего (неполного) учёта раненых, больных и умерших в лечебных учреждениях Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дмитриев Н. В., 1911 г. р., не значится.

Сведениями о том, какие лечебные учреждения располагались в н. п. Лебязьке, филиал не располагает. Сведений об АГЛ-2580 в филиале нет. Госпиталь ЭГ 2580 на январь 1944 года дислоцировался в г. Шексна Вологодской области. Документы на умерших в ЭГ 2580 на хранение в филиал не поступали”.

— Вы ради этого меня с места дёрнули?

— Не совсем. Вот архивная справка на вашего Дмитриева.

Петраков передал ещё один лист, после этого отвернулся и подошёл к окну.

— Читайте, — произнёс он, не оборачиваясь.

“По документам архива установлено, что Дмитриев Николай Васильевич, 1911 г. р., уроженец села Чирты Лапишевского района Татарской АССР, призванный Пушкинским РВК 26.06.1941 г., проходил военную службу со 2 июля 1941 года по 27 января 1944 года в 309-м отдельном прожекторном батальоне, который в указанный период входил в состав действующей армии.

Погиб 27 января 1944 года при исполнении служебных обязанностей.

В именном списке безвозвратных потерь 309 отдельного прожекторного батальона значится: “...3. Дмитриев Николай Васильевич, военное звание — сержант; должность — шофёр; 1911 года рождения; партийность — член ВКП(б) с 1942 года; по какой причине и когда выбыл — погиб от отравления отработанным газом автомобиля ЗИС-12 в 12:40, 27 января 1944 года в 3 км западнее Томендонта; место погребения —; семейное положение — женат...”

В алфавитной карточке формы № 8 Дмитриева Николая Васильевича имеется запись: “Умер в кабине автомашины, труп направлен в АГЛ № 2580 для вскрытия”.

Дальше шло перечисление номеров карточек, фондов, описей, дел... Сердце застучало чаще. Рука машинально потянулась к карману, но сигарет там давно не было.

— Получается...

— Дмитриев покончил с собой. Протянул шланг к выхлопной трубе, другой конец — в кабину. Завёл двигатель. Я уж не знаю, по какой причине, но не думаю, что его дочери на старости лет следует об этом знать.

Архивная справка придала Родионова своим весом. Он рассказал начальнику отдела хранения историю Лилии Николаевны.

— Мда... Раз такие дела, справку я вам не отдам.

— Я напишу на вас жалобу.

— Это сколько угодно. У архива федеральное подчинение. Городская власть нам не указ.

— Вы поймите, дочь имеет право знать, как всё было на самом деле. Нельзя скрывать правду.

— Правду? — Петраков подошёл вплотную к чиновнику. — Вы хоть понимаете, что произошло? Посмотрите в окно. Обычный петербургский день, облачно, дождик вот-вот заморосит, дети играют в сквере... Видите, мальчик за голубем бежит? Как он счастлив! Через минуту он споткнётся, упадёт и заплачет, забудет о восторге, о голубе, обо всем на свете. Ничего уже нельзя будет вернуть назад. Но прямо сейчас нет счастливее человека, и этот миг неповторим.

Начальник отдела хранения замолчал, а потом добавил:

— А тут не сквер, не голубь. Вся жизнь пошла... Ай...

Он махнул рукой.

— И всё-таки вы неправы.

— Слушайте, — глаза Петракова загорелись, — вы в Бога верите? Впрочем, не важно... Давайте сыграем с вами в детскую игру “камень, ножницы, бумага”. Победите — отдам справку, проиграете — не обессудьте.

— Вы с ума сошли?

— Доверьтесь случаю. Посмотрим, чья правда возьмёт.

Родионов даже вспотел от волнения. Весь этот разговор и вся история, все вытащенные наружу скелеты пошатнули его представление о заведённом порядке вещей. И Петраков уже не казался ненормальным архивистом и Меффистофелем в одном лице. Его кабинет, заваленный разными папками от пола до потолка, был самым подходящим для такой игры местом.

— Хорошо, давайте. — Родионов сжал кулак.

Служащий архива посмотрел на чиновника с жалостью и каким-то невысказанным вслух разочарованием.

— Поверили? Вы как ребёнок, ей-богу. Держите свою справку, делайте с ней, что хотите.

— А что? — растерялся Родионов.

— А я не знаю. Впрочем, есть вариант... Мало ли на свете было Дмитриевых? Покопайтесь в архивах воинских захоронений, найдите полного одофамильца, покажите вашей старушке. Пусть думает, что там лежит её отец. А справку подшейте в папочку и спрячьте от греха подальше.

— Обмануть?

— Я двадцать лет военврачом отслужил. Знаете, какое у врача главное правило? Не навреди!

Выходя из кабинета, Родионов обернулся и увидел усталое лицо начальника отдела хранения.

— Ничего нельзя вернуть назад.

На улице Родионов поморщился от дневного света, с усилием размял шею и обратился к прохожему:

— Закурить не найдётся?

27 января 1944 года

“Дорогие мои однополчане! В моей смерти никто не виноват, простите меня. Врага мы разбили, Ленинград освобождён от фашистских полчищ, а жить дальше я не могу. Два года уже нет моих Танюши и Лилечки, а душа болит, как в первый день. Невыносимо мне больше ходить по земле. Знаю, что поступаю не по-партийному, но делу Ленина я был предан до последнего вздоха. Сражайтесь храбро и честно, гоните врага с нашей земли, а моя судьба решена. Пусто внутри.

Бушлат — Алексею Маслобородову.

Бинокль — Лиде Волосниковой.

А всем остальным мой горячий привет. Ещё раз простите, если кого обидел.

Сержант Николай Дмитриев”.

Июнь 2019

Лилия Николаевна осторожно спускалась по крутой лестнице мемориала на четвёртом километре Петербургского шоссе. За спиной гудели машины. Утреннее июньское солнце светило ярко и ласково. Прямо, насколько хватало глаз, простирались поля, истосковавшиеся по вспашке, заросшие бурьяном и борщевиком. Поля пересекала ветка Варшавской железной дороги.

Само воинское захоронение было небольшим пятачком у подножия взгорка, в центре мемориала стоял прямоугольный памятник, вершину которого венчала красная звезда с выцветшей от времени краской. Справа и слева от памятника высились две кирпичные стены в человеческий рост с чёрными мемориальными табличками на шербатых боках.

Старушка медленно шла вдоль стены, пока, наконец, не остановилась у одной из табличек. Погладила её морщинистой рукой. На табличке белой краской было выведено по трафарету: ДМИТРИЕВ Н. В.

Кирпичная стена закачалась перед глазами; не было прожитой жизни; только маленькая девочка во дворе своего дома раскачивается на самодельных качелях.

Губы её задрожали:

— Здравствуй, папа.